

В защиту П. Г. Вудхауза. Джордж Оруэлл

Джордж Оруэлл познакомился с Вудхаузом в 1944 году в Париже, где, по воспоминаниям Вудхауза, угостил его обедом. Последовала переписка, по итогам которой Оруэлл написал эссе «В защиту П. Г. Вудхауза», впервые напечатанную в июльском номере лондонского журнала «Уиндмилл» в 1945 году.

Совершив ранним летом 1940 года прорыв через Бельгию, немцы, в числе прочего, захватили мистера П. Г. Вудхауза, который, несмотря на разразившуюся войну, оставался жить в своем домике в Ле-Туке и, кажется, до самой последней минуты полагал, что находится в полной безопасности. Говорят, когда его уводили в плен, он сказал: «Ну, теперь я, наверное, напишу что-нибудь серьезное». Но сначала его какое-то время держали под домашним арестом, и, как видно из его последующих сообщений, обходились с ним довольно дружелюбно: немецкие офицеры, расквартированные по соседству, часто «забегали помыться и перекусить»[1].

Год спустя, 25 июня 1941 года, пришло известие, что Вудхауза освободили и что он живет в берлинском отеле «Адлон». Днем позже общественность с изумлением узнала, что он согласился выступать на немецком радио с передачами «неполитического» характера. Тексты этих передач сейчас найти непросто, но, кажется, всего их было пять, в период между 26 июня и 2 июля, а затем немцы сняли Вудхауза с эфира. Первая передача, вышедшая 26 июня, не была подготовлена на фашистском радио: она представляла собой интервью с Гарри Фленнери, одним из берлинских корреспондентов радиовещательной компании «Коламбия бродкастинг систем». Кроме того, в журнале «Сатердей ивнинг пост» вышла статья Вудхауза, которую он написал еще в лагере для интернированных[2].

В статье и в передачах Вудхауз большей частью говорил о том, что пережил в лагере, но попадаются там и отдельные, очень немногочисленные, высказывания о войне. Вот типичные примеры:

Я всегда был далек от политики и совершенно не способен ни на какие воинственные чувства. Только я готов разозлиться на какую-нибудь страну, как встречаю порядочного человека оттуда. Мы с ним выпиваем, и всякие мысли о войне улетучиваются.

Недавно на плацу они ко мне присмотрелись и, кажется, все поняли: по крайней мере, отправили нас в местный сумасшедший дом. Я пробыл там сорок две недели. Жилось там во многих отношениях вполне сносно. Вообще, жизнь в лагере имеет свои преимущества. Там не бегаешь по кабакам и остается время для чтения. Главный же недостаток состоит в том, что подолгу не бываешь дома. Когда поеду обратно к жене, надо бы на всякий случай запастись рекомендательным письмом и к ней.

До войны я скромно гордился принадлежностью к английской нации и считал, что, родившись в Гилдфорде, графство Суррей, проявил удивительное в столь нежном возрасте благоразумие. Теперь, прожив несколько месяцев в здешней кладовке для англичан, я несколько порастерял былую уверенность... Я прошу от Германии только одной уступки: пусть она выдаст мне хлеба и скажет джентльмену с ружьем у ворот лагеря отвернуться; все остальное я беру на себя.

За это я готов передать ей Индию, полное собрание моих сочинений с автографом и тайный рецепт приготовления картофельных ломтиков на обогревателе, ведомый только двоим: интернированному Артуру Гранту и мне. Предложение действительно до следующей среды[3].

Первый из приведенных отрывков вызвал большой скандал. Вудхауза также стыдили за фразу «независимо от того, победит Англия или нет» из интервью с Фленнери, – и он лишь усугубил свое положение, описав по радио нечистоплотность бельгийских пленных, вместе с которыми находился в лагере. Немцы записали эту передачу и несколько раз ее повторяли. Они, кажется, почти не следили за тем, что он говорил, и разрешали ему не только смеяться над тяготами заключения, но и

произносить фразы типа «В лагере в Тросте[4] все горячо верят, что в конце концов Англия победит». В целом же из этих передач следовало, что немцы обращались с ним неплохо и что он не держит на них зла.

В Англии тут же последовал взрыв негодования. Были дебаты в Парламенте, злобные статьи в прессе и потоки писем от писателей, почти все обвинительные; правда, нашлась среди них пара писем с советами не судить раньше времени и еще несколько с предположением, что Вудхауз просто не понимает, что делает. Пятнадцатого июля на канале Внутренней службы «Би-би-си» вышел разгромный «Постскриптум» некоего Кассандры из «Дейли миррор»: по его словам, Вудхауз «продал собственную родину». В этом постскриптуме прозвучали слова «предатель» и «поклонник фюрера». Главное обвинение состояло в том, что Вудхауз купил себе свободу, согласившись помочь немецкой пропаганде.

Несмотря на сдержанный протест против «Постскриптума», он еще сильнее распалил общественное негодование. В частности, во многих библиотеках книги Вудхауза стали изымать из открытых фондов. Вот пример типичной газетной заметки того времени:

На следующий же день после выступления Кассандры, журналиста из «Дейли миррор», городской совет Портадауна (Северная Ирландия) распорядился изъять книги П. Г. Вудхауза из городской публичной библиотеки. Мистер Эдвард Маккан сказал, что Кассандра развеял всякие сомнения. Вудхауз больше не смешон.

Дейли миррор

На Би-би-си запретили пускать в эфир песни на слова Вудхауза (запрет сохранялся не один год). И даже в декабре 1944 года в Парламенте всё еще требовали, чтобы Вудхауза судили как изменника родины.

Есть такая старая поговорка: если долго кидать в стену грязью, что-нибудь да прилипнет. К Вудхаузу грязь прилипла весьма своеобразным образом. Создалось впечатление, что Вудхауз в своих радиопередачах (хотя никто уже и не помнил, что он там говорил) показал себя не просто изменником родины, а идеологическим сторонником фашизма. Уже тогда в нескольких письмах в газеты говорилось, что в его книгах можно найти «фашистский уклон», и впоследствии это обвинение повторялось. Я постараюсь проанализировать идеологию его книг, но для начала надо понять, что события 1941 года не уличают Вудхауза ни в чем, кроме глупости. Что действительно интересно – это почему он так глупо поступил. Когда Фленнери в июне 1941 года встретился с Вудхаузом (выпущенным из лагеря, но еще не получившим полную свободу) в отеле «Ад-лон», то тут же понял, что имеет дело с политическим простаком и, готовя его к эфиру, предостерег от крайне неудачных заявлений, одно из которых можно было истолковать как антирусское. Тем не менее фраза «победит Англия или нет» прошла в эфир. Вскоре после интервью Вудхауз сказал ему, что собирается выступать на немецком радио, по-видимому, не считая, что этот его поступок может иметь какое-то особое значение. Вот как Фленнери это комментирует[5]:

Тогда мне стал понятен заговор вокруг Вудхауза. Это была одна из лучших операций нацистской пропаганды за все время войны: первая, в которой было хоть что-то человеческое... Плак (помощник Геббельса) съездил в лагерь под Глейвицем поговорить с Вудхаузом, обнаружил, что тот совершенно не разбирается в политике, и тут его осенило. В обмен на освобождение из лагеря он предложил Вудхаузу написать цикл радиопередач о своем заключении, с которыми тот сам бы и выступил по радио без всякой цензуры. Этим своим предложением Плак показал, как хорошо понимает Вудхауза. Он знал, что в своих книгах Вудхауз высмеивает англичан, что он все еще живет в том времени, о котором писал, и понятия не имеет ни о каком нацизме. Вудхауз был сам себе Берти Вустер.

Сделка между Вудхаузом и Плаком – это, кажется, всего лишь домысел Фленнери: договоренность могла быть далеко не столь конкретной. Если судить по самим радиопередачам, то Вудхауз прежде всего хотел подать весточку своим читателям, ну и кроме того – как любой юморист, – посмеяться. Совершенно очевидно, что текст передач писал не квислинг вроде Эзры Паунда или Джона Эмери и даже, видимо, вообще не человек, способный понять, что такое квислинг. Фленнери предупреждал Вудхауза, что не стоит выступать на немецком радио, но отговаривал его не слишком настойчиво. Как отмечает Фленнери, хотя Вудхауз в одной передаче и называет себя англичанином, он скорее считал себя гражданином Америки. Одно время он собирался получить американское гражданство, но так и не подал необходимые документы. Он даже сказал Фленнери: «Мы ведь не воюем с Германией».

Передо мной лежит перечень книг П. Г. Вудхауза. Он насчитывает около пятидесяти наименований, хотя, конечно, неполон. Признаюсь откровенно: многие из них (наверное, четверть или треть) я не читал – не так-то просто прочесть все книги популярного писателя, которые обычно выходят в дешевых изданиях. Но я довольно пристально следил за Вудхаузом, начиная с 1911 года, когда мне было восемь лет, и мне хорошо знакома та особая умственная атмосфера его произведений, которая не то чтобы совсем не менялась, но, по крайней мере с 1925 года, менялась мало. В вышеприведенной цитате из книги Фленнери есть два утверждения, которые тут же бросаются в глаза любому внимательному читателю Вудхауза. Первое состоит в том, что Вудхауз «все еще живет в том времени, о котором писал», а второе – что нацистское Министерство пропаганды использовало его потому, что он «высмеивает англичан». Второе утверждение основано на ошибке, на которой я еще остановлюсь. Зато первое утверждение Фленнери полностью соответствует действительности и отчасти объясняет поведение Вудхауза.

Мы часто забываем, сколько лет прошло, с тех пор как были написаны самые известные романы П. Г. Вудхауза. Нам кажется, что он изображает глупость двадцатых-тридцатых годов, но на самом деле сцены и персонажи, которыми он главным образом известен, появились до 1925 года. Псмит впервые предстал перед светом в 1909 году, а его отдельные черты видны у более ранних героев школьных рассказов. Блэдингский замок, где живут Бакстер и лорд Эмсворт, возник в 1915 году. Дживсо-вустерский цикл начался в 1919 году, причем как Дживс, так и Вустер действовали и раньше. Акридж появился в 1924 году. Если просмотреть список произведений Вудхауза, то в нем можно выделить три довольно отчетливых периода. Первый – это период произведений о школе: сюда относятся такие книги, как «Золотая бита», «Охотники за призами» и проч.; наиболее удачная из них – «Майк» (1909). Сюда же относится вышедший годом позже роман «Псмит в Сити», хотя он уже и не про школьную жизнь. Далее следует американский период. Вудхауз прожил в Соединенных Штатах примерно с 1913-го по 1920 год и на время совершенно обамериканился – это проявилось и в его языке, и во внешности. Некоторые рассказы из сборника «Левша на обе ноги» (1917) написаны под ощутимым влиянием О. Генри, да и в других книгах того времени присутствуют американизмы (например, слово «хайбол» в значении «виски с содовой»), которые ни один английский писатель не будет использовать в авторской речи. Тем не менее почти во всех книгах этого периода: «Псмит-журналист», «Золотце ты наше», «Несокрушимый Арчи», «Джим с Пиккадилли» и прочих – Вудхауз для достижения комического эффекта играет на контрасте между английскими и американскими нравами, когда английские герои попадают в Америку или наоборот. Есть некоторое количество чисто английских рассказов, но вряд ли найдется хоть один чисто американский. Третий период можно назвать усадебным. К началу 1920-х Вудхауз уже зарабатывал большие деньги, и

общественное положение его героев также повысилось (своеобразное исключение представляют рассказы об Акридже). Теперь действие происходит уже в загородном особняке, в роскошной холостяцкой квартире или в дорогом гольф-клубе. Уходит школьный атлетизм ранних книг, крикет и футбол уступают место гольфу, заостряются комизм и фарс. Безусловно, большинство книг этого периода, вроде «Летней грозы», относятся скорее к легкой комедии, чем к откровенному фарсу, но в них уже нет тех попыток искреннего морализаторства, которые встречались в более ранних произведениях, таких как «Псмит-журналист», «Золотце ты наше», «Пришествие Билла», «Левша на обе ноги» и некоторые школьные рассказы. Майк Джексон превратился в Берти Вустера. Это, впрочем, не слишком удивительное превращение; наоборот, удивляет, что сам Вудхауз за все эти годы несколько не переменялся. Уже в «Золотой бите» или «Сент-остинских рассказах», написанных в самом начале века, ощущается знакомая атмосфера. О том, насколько стереотипной стала манера его письма, можно судить хотя бы по тому, что все шестнадцать лет до заключения в немецкий лагерь он продолжал писать об Англии, хотя жил то в Голливуде, то в Ле-Туке.

«Майк», ставший теперь библиографической редкостью, – это, пожалуй, одна из лучших юмористических книг о школе в английской литературе. Но хотя описанные в ней события смехотворны, это вовсе не сатира на английские частные школы, а «Золотая бита», «Охотники за призами» и т. д. – тем более. Вудхауз получил образование в Далвич-колледже, затем работал в банке и вышел в писатели через дешевую журналистику. Очевидно, что, питая отвращение к скучной работе и неуютному окружению, он еще долгие годы оставался мыслями в своем колледже. В ранних рассказах он весьма обстоятельно смакует радости школьной жизни (матчи между колледжами, помыкание малышней, чай у камина и т. д.) и без малейших колебаний принимает школьный кодекс чести. Частная школа, где учатся герои Вудхауза, зовется Рикин; она несколько более престижна, чем Далвич-колледж, и кажется даже, что за время между «Золотой битой» (1904) и «Майком» (1909) она становится еще дороже и еще дальше удаляется от Лондона. Из всей ранней прозы Вудхауза больше всего о психологии автора говорит «Псмит в Сити». Отец Майка Джексона внезапно разоряется, и восемнадцатилетний Майк, как некогда сам Вудхауз, вынужден за гроши работать мелким банковским служащим. В тот же банк на ту же должность устраивается Псмит – правда, не из финансовой нужды. «Псмит в Сити» (как и «Псмит-журналист») необычен тем, что здесь проявляется определенная политическая позиция: Псмит зовет себя социалистом – что в его (и, несомненно, в вудхаузовском) понимании означает не придавать значения классовым различиям, – один раз он вместе с Майком ходит на митинг на Клэпем-коммон, а затем идет пить чай к пожилому оратору-социалисту, чья отнюдь не нищая лачуга изображена вполне достоверно. Но главное – Майк в этом романе никак не может отвыкнуть от школьной атмосферы. Он без особого желания поступает на работу и мечтает не о том, как бы найти себе другое, более интересное и полезное занятие (чего можно было бы ожидать), а о том, чтобы просто играть в крикет. Подыскивая себе комнату, он решает поселиться в Далвиче, поблизости от школы, чтобы слышать приятный стук мяча о биту. Кульминация наступает, когда Майку выпадает шанс сыграть за сборную графства: ради этого он бросает работу. Здесь важно то, что Вудхауз соперничает Майку и даже идентифицирует себя с ним; Майк для Вудхауза – это, несомненно, то же, что Жюльен Сорель для Стендаля. Но и после Майка Вудхауз продолжал создавать похожих друг на друга героев. Сквозь книги этого и следующего периода проходит череда юношей, которым для жизни достаточно только спорта и игры. Вудхауз практически не способен придумать своему герою желанную работу. Лучше всего, чтобы герой родился в богатой семье, а если не сложилось – то чтобы нашел себе непильное доходное местечко. Например, герой «Чего-нибудь этакого» (1915) из скромного журналиста становится личным врачом и тренером большого миллионера, и

это считается продвижением как в финансовом, так и в нравственном отношении.

В книгах третьего периода нет ни авторского самолюбования, ни серьезных отступлений, однако перемены в общественном положении и нравственном состоянии героев гораздо менее значительны, чем может показаться на первый взгляд. Если сравнить Берти Вустера с Майком или даже с мальчишками, играющими в регби в самых первых школьных рассказах, то обнаружится, что Берти отличается от них только тем, что он богаче и ленивее. У него почти такие же идеалы, только достичь их он не в состоянии. Арчи Моффам из «Несокрушимого Арчи» (1921) занимает промежуточное положение между Берти и более ранними героями: он хоть и осел, но при этом честный, добрый, смелый и крепкий малый. Вудхауз все так же чтит неписанный школьный кодекс чести; правда, теперь заставляет своих персонажей нарушать его или соблюдать его против желания:

– Берти! Ты ведь не оставишь своего старого друга в беде?

– Еще как оставлю.

– Но ведь мы вместе учились в школе, Берти.

– Ну так что ж?

– В одной и той же школе, Берти, в одной и той же школе!

– Ну ладно, черт с тобой.

Берти, этот малодушный Дон Кихот, отнюдь не горит желанием сражаться с ветряными мельницами, но он и думать не смеет об отказе, если на кону его честь.

Большинство героев Вудхауза, которых он хочет показать приятными людьми, на самом деле ничемные паразиты и порой к тому же полные дураки, но мало кого из них можно назвать безнравственными. Даже Акридж скорее романтик, чем простой мошенник. Наиболее безнравственный, или скорее вненравственный, персонаж у Вудхауза – Дживс: он выгодно оттеняет идеалистично настроенного Берти Вустера и воплощает распространенное среди англичан мнение, что ум и беспринципность одно и то же. Насколько тесно Вудхауз придерживается традиционной нравственности, можно судить хотя бы по тому, что в его книгах нет ни одной непристойной шутки – огромная жертва для писателя-комика. Причем мало того что у него нет сальностей, но едва ли найдутся даже компрометирующие ситуации; вообще, тема рогоносцев совершенно отсутствует. В его романах, конечно, есть сердечный интерес, но он никогда не покидает рамок легкой комедии: любовь с ее злоключениями и идиллическими сценами идет своим чередом, но, как говорится, «так ничего и не происходит». Примечательно, что Вудхауз, по природе своей автор фарсов, не раз выступал в соавторстве с Ианом Хэем, который (см. романы «Пип» и др.) любил потешаться над традицией «порядочных англичан», выставляя ее во всей своей нелепости.

В «Чем-нибудь этаким» Вудхауз открыл комический потенциал английской аристократии, и последовала череда смешных, но почти всегда обаятельных баронов, графов и прочей знати. Это произвело довольно любопытный эффект: за рубежом стали считать, что Вудхауз пишет едкие сатиры на английское общество. Отсюда и слова Фленнери о том, что «Вудхауз в своих книгах высмеивает англичан» – такое впечатление Вудхауз, видимо, и производил на немецких и даже американских

читателей. Я обсуждал берлинские передачи Вудхауза с одним молодым индийским националистом, который горячо его защищал, будучи в твердой уверенности, что Вудхауз действительно перешел на сторону немцев, и одобряя его за это. К своему удивлению, я обнаружил, что мой собеседник считает Вудхауза антибританским писателем, который принес много пользы, показав истинное лицо английской аристократии. Вряд ли кто-нибудь из англичан допустил бы такую ошибку (яркий пример того, как книги, особенно юмористические, достигая зарубежных читателей, теряют нюансы смысла), ибо совершенно очевидно, что произведения Вудхауза не направлены против Англии или против аристократии – напротив, в них чувствуется безобидный и несколько старомодный снобизм. Как умный католик понимает, что богохульства Бодлера или Джеймса Джойса ничуть не вредят католической вере, так и опытный английский читатель понимает, что, создавая таких персонажей, как Гильдебранд Спенсер Пуант де Бург Джон Хэннесайд Кумби-Кромби, двенадцатый граф Драйвер, Вудхауз вовсе не нападает на общественное устройство. В самом деле, ни один истинный ненавистник аристократии не стал бы столько о ней писать. К английской общественной системе Вудхауз относится так же, как к школьному кодексу чести: с легкой насмешкой, прикрывающей безусловное приятие. Граф Эмсворт смешон, потому что у настоящего графа должно быть больше достоинства, а беспомощный Берти Вустер, во всем зависимый от Дживса, смешон потому, что слуга не должен быть выше хозяина. Американский читатель может ошибочно принять этих двух – и других похожих на них – героев за издевательские карикатуры, потому что американский читатель часто англофоб, а герои Вудхауза совпадают с его представлениями о загнивающей аристократии. Берти Вустер, со своей тросточкой и в своих белых гетрах, – это типичный англичанин, хоть со сцены показывай. Но любому английскому читателю понятно: Вудхаузу Берти симпатичен. Вудхауз как раз грешит тем, что в его изображении люди высшего сословия получаются гораздо милее, чем они были на самом деле. Во всех своих книгах он старательно избегает определенных проблем. Его богатая молодежь – щедрые, общительные и незаносчивые люди; их тон унаследован от Псмита, который с виду аристократ, но преодолевает сословные границы, обращаясь ко всем со словом «товарищ».

В образе Берти Вустера есть еще одна важная черта – это его устарелость. Он придуман где-то около 1917 года, но принадлежит к еще более раннему времени: это – щеголь предвоенных лет, «орешек», как их тогда называли, вроде прославленного в песне «Орешка Гилберта», элегантный молодой человек, разгуливающий утром по Пиккадилли с тросточкой под мышкой и гвоздикой в петлице. К 1920-м годам такой щеголь был уже живым ископаемым. Весьма симптоматично и название книги Вудхауза, вышедшей в 1936 году: «Юноши в гетрах». Какие гетры в тридцать шестом году?! К тому времени они уже лет десять как вышли из моды. Но традиционный «орешек», «щеголь с Пиккадилли» должен носить гетры, точно так же, как опереточный китаец должен носить косичку. Писатель-юморист не обязан идти в ногу со временем, и, напав на золотую жилу, Вудхауз продолжал разрабатывать ее с упорством, дававшимся ему, несомненно, тем проще, что до немецкого плена он шестнадцать лет не ступал на английскую землю. Его представление о структуре английского общества сложилось до 1914 года, и представление это было наивным, традиционным и в глубине своей почтительным. Несмотря на долгие годы жизни в Америке, Вудхауз так до конца и не американизировался. Как я уже говорил, в книгах второго периода его творчества то и дело попадаются американизмы, но это лишь потому, что для британского уха Вудхауза они казались забавной диковинкой. Вудхауз любит ввернуть в высокопарную английскую фразу какой-нибудь прозаизм («И с жутким невеселым смехом Стэнли Фиверстоунхо Акридж занял пять шиллингов и удалился в ночь»[6]) или какое-нибудь жаргонное словечко, и американизмы прекрасно подходили для этих целей. Однако он освоил этот прием еще до поездки в Америку, а перевранные цитаты из классиков, которыми он так любит пользоваться, были в

широком ходу у английских писателей, начиная, по крайней мере, с Филдинга. Как отмечает Джон Хейвард[7], Вудхауз во многом опирается на английскую литературу, в первую очередь на Шекспира. Его книги, безусловно, ориентированы не на интеллектуалов, а на всех, кто получил традиционное школьное образование. Когда, например, он пишет, что некто вздыхает «как Прометей при виде знакомого коршуна, желающего пообедать», то ожидает от своих читателей знакомства с греческой мифологией. В молодости ему, по-видимому, нравились Джером К. Джером, Барри Пейн, Уильям Джекобс, Киплинг и Ф. Энсти, и он так и остался ближе к ним, чем к динамичным американским юмористам вроде Ринга Ларднера или Деймона Раньона. В своем радиоинтервью с Фленнери Вудхауз беспокоился, «сохранятся ли после войны те люди и та Англия, о которых я пишу», не сознавая, что они уже давно обратились в призраки. «Он продолжал жить в том времени, о котором писал», – говорит Фленнери, имея в виду, скорее всего, двадцатые годы. Но на самом деле это время было эдвардианской эпохой, и если Берти Вустер когда-нибудь и существовал, то он погиб около 1915 года.

Если мой анализ вудхаузовского мироощущения справедлив, то сразу становится очевидной несостоятельность и даже нелепость предположения, будто бы в 1941 году Вудхауз сознательно взялся помогать нацистской пропаганде. Да, не исключено, что к радиовыступлениям его побудило обещание досрочного освобождения (хотя его и так должны были выпустить через несколько месяцев, когда ему исполнялось шестьдесят лет), но он никак не мог сознавать, что этот его поступок нанесет ущерб британским интересам. Как я пытался здесь показать, нравственные принципы Вудхауза оставались на уровне школьника, а согласно школьному кодексу чести, предательство во время войны – самый непростительный грех. Но как он мог не понимать, что его выступления сыграют на руку нацистской пропаганде и обрушат шквал негодования на его собственную голову? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, полное отсутствие у Вудхауза (насколько можно судить по его опубликованным произведениям) какой-либо политической сознательности. Всякие разговоры о «фашистском уклоне» в его книгах – полнейший вздор. После 1918 года у него вообще не было никакого «уклона». В его книгах можно найти лишь некоторое беспокойство по поводу классового неравенства и время от времени наивные и незлые упоминания о социализме. В сборнике «Сердце обалдуя» (1926) есть один дурашливый рассказ о русском писателе, навеянный, видимо, партийной борьбой в тогдашнем СССР, но упоминания о советской власти в нем исключительно шуточные и – учитывая время, когда это было написано, – не слишком враждебные. Дальше политические взгляды Вудхауза, похоже, не простирались. Насколько мне известно, он даже ни разу не написал слова «фашизм» или «нацизм». Для человека левых взглядов – да и вообще для любого «просвещенного» человека – выступление по нацистскому радио или любое другое сотрудничество с нацистами было бы одинаково немислимо как во время войны, так и до нее, но это свойство мировоззрения, сложившегося почти что за десять лет идеологической борьбы с фашизмом. Вспомним, однако, что подавляющее большинство англичан оставались безучастными к этой борьбе до конца 1940 года. Абиссиния, Испания, Китай, Австрия, Чехословакия – весь этот длинный список преступлений либо вовсе остался незамеченным, либо смутно отразился в сознании как какие-то зарубежные распри, которые «нас не касаются». Чтобы легче было представить степень общественного невежества, напомним, что у обычного англичанина слово «фашизм» ассоциировалось в те годы только с Италией, и он очень удивлялся, когда вдруг слышал то же самое слово применительно к Германии. А из книг Вудхауза не видно, чтобы он был лучше осведомлен в политике или интересовался ей сильнее, чем большинство его читателей.

Кроме того, нужно помнить, что Вудхауз попал в плен ровно тогда, когда война еще

только вступала в свою самую отчаянную фазу, а до этого (о чем мы сейчас склонны забывать) общее отношение к происходящим событиям было довольно вялым. Боевых действий почти не было, правительство Чемберлена теряло популярность, видные публицисты намекали, что нужно как можно скорее заключить мир, профсоюзы и комитеты лейбористской партии по всей стране принимали резолюции против войны. Впоследствии, конечно, все изменилось. Франция пала, наши войска едва успели убраться из Дюнкерка, Англия осталась одна, на Лондон посыпались бомбы, Геббельс объявил, что Англию «ждет нищета и разруха». К середине 1941 года англичане поняли, с кем имеют дело, и стали гораздо злее относиться к врагу, чем раньше. Но Вудхауз этот год провел в плену, где с ним довольно неплохо обращались. Он пропустил самый разгар войны и в 1941 году относился к ней так же, как в 1939-м. И он был такой не один: примерно в то же время немцы несколько раз сажали пленных англичан перед микрофоном, и некоторые из них высказывались, по меньшей мере, столь же неприлично, как и Вудхауз. На них, однако, никто не обратил внимания. И даже такой откровенный изменник, как Джон Эмери, вызвал меньшее возмущение, чем Вудхауз.

Но почему? Почему несколько глуповатых, но совершенно безобидных высказываний пожилого писателя вызвали такой взрыв негодования? Ответ, по-видимому, стоит искать в том, какими грязными средствами ведется пропагандистская война.

У радиопередач Вудхауза есть одна безусловно важная особенность: это время их выхода в эфир. Вудхауза освободили за пару дней до вторжения в СССР, когда верхушка нацистской партии уже не сомневалась, что оно произойдет. Было жизненно важно как можно дольше удерживать Америку от вступления в войну, и, действительно, примерно в это время Германия стала проявлять по отношению к США невиданное дружелюбие. Вряд ли немцы могли надеяться разбить СССР, Англию и США одновременно, но, если бы они быстро расправились с СССР (что они, собственно, и намеревались сделать), Америка не успела бы вмешаться. Освобождение Вудхауза, событие само по себе малозначимое, было неплохим способом задобрить американских изоляционистов: он был широко известен в Америке и, как полагали немцы, особенно любим среди англофобов за высмеивание глупых англичан, с их гетрами и моноклями. Посадив его перед микрофоном, немцы могли не сомневаться, что он так или иначе уронит престиж Англии, а освободившие его в то же время предстанут порядочными людьми, которые благородно обращаются со своими врагами. Таков, вероятно, был расчет, хотя сам факт, что Вудхаузу дали выступать лишь около недели, означает, что он не оправдал ожиданий.

У англичан тоже был свой, хотя и противоположный, расчет. Два года после Дюнкерка боевой дух англичан держался на ощущении, что это не просто война за демократию, но и война, которую предстоит вести простому народу. Правящие круги Англии были дискредитированы своим попустительством Германии и военными катастрофами 1940 года. Происходило социальное выравнивание. В общественном мнении патриотизм и левые настроения оказались связанными друг с другом, и многочисленные талантливые журналисты из всех сил старались укрепить эту связь. Типичные образчики процветавшей тогда демагогической пропаганды можно видеть в выступлениях Джона Пристли по радио и статьях Кассандры в «Дейли миррор». В такой атмосфере Вудхауз представлял собой идеальную мишень. Считалось, что богачи вероломны, а Вудхауз, как подчеркивал в своих выступлениях Кассандра, был богат. Кроме того, на него можно было нападать совершенно безнаказанно, не опасаясь пошатнуть общественные устои. Нападать на Вудхауза – далеко не то же самое, что нападать, например, на Бивербрука. Простой писатель, сколько бы денег он ни зарабатывал, не принадлежит к правящему классу. Даже если его годовой доход достигает пятидесяти тысяч фунтов, он лишь внешне напоминает миллионера.

Он всего лишь счастливчик, которому улыбнулась удача (а улыбается она обычно очень ненадолго), как если бы он случайно поставил на выигравшую лошадь. Оплешность Вудхауза открывала хорошую возможность для пропаганды. Можно было «изобличить» богатого паразита, не привлекая нежелательного внимания к тем паразитам, которые гораздо больше этого заслуживали.

В то жестокое время простительно было негодовать на поступок Вудхауза, но обвинять его три-четыре года спустя – утверждая к тому же, что он сознательно изменил родине, – непростительно. Мало что в этой войне было отвратительнее нынешней охоты за изменниками и предателями. В лучшем случае одни виновные наказывают других виновных. Во Франции ловят всякого рода мелких крыс: полицейских, продажных журналистов, женщин, спавших с немецкими солдатами, – не замечая, что крупные крысы остаются безнаказанными. В Англии яростнее всего против предателей выступают консерваторы, призывавшие к миру в 1938 году, и коммунисты, призывавшие к нему же в 1940-м. Я пытался показать здесь, как несчастный Вудхауз – потому лишь, что успех и жизнь вдали от родины позволили ему так и остаться мыслями в эдвардианской эпохе, – стал пешкой в пропагандистском эксперименте, и полагаю, что пора уже, наконец, считать это дело закрытым. Если американцы поймут и расстреляют Эзру Паунда, это утвердит его репутацию как поэта на многие века, – так и мы, если изгоним Вудхауза, лишим его британского гражданства и заставим поселиться в Соединенных Штатах, то в конце концов сами же этого устыдимся. Если мы и вправду хотим наказать людей, ослаблявших в критическую минуту боевой дух нашего народа, то есть и другие, кто и поближе к нам, и больше заслуживает наказания.

1945

Примечания

1 В письме Уильяму Тауненду от 18 апреля 1953 г. Вудхауз жаловался: «Со слов Оруэлла можно подумать, что я прямо-таки зазывал этих чертовых немцев мыться в моей ванне. На самом деле все обстояло совершенно иначе. К концу второй недели оккупации в соседний дом набились солдаты из немецкого стройбата, и они, похоже, спутали меня с теннисоновским сэром Вальтером Вивьеном, который, как известно, „был гостелюбив и на своих лужайках в летний день охотно привечал любого...“ Наверное, любителю немецких стройбатовцев приятно было бы слушать, как они горланят у него в ванной, но меня это совершенно не устраивало. Я возмутился, да только не очень-то мне это помогло: назавтра они пришли снова и привели с собой друзей». (Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, прим. перев.)

2 См. в настоящем номере П. Г. Вудхауз. Моя война с Германией, с. 91.

3 Перевод Е. Доброхотовой-Майковой. См. в настоящем номере, с. 93.

4 Оруэлл пишет по памяти и поэтому ошибочно называет Тост Тростом. Сейчас это польский город Тешек.

5 Harry Flannery. Assignment to Berlin. – London: Michael Joseph, 1942. (Прим. Оруэлла.)

6 «Дебют Боевого Билсона». Перевод И. Гуровой.

7 John Hayward. P. G. Wodehouse // The Saturday Book, 1942. Насколько мне известно, это единственная большая критическая статья о Вудхаузе. (Прим. Оруэлла.)